СКАЗКА
О НУЖДѢ, О СЧАСТІИ
И
О ПРАВДѢ.

Гой, нужда–свѣтъ, барыня горемычная! Ты–ль съ босой ноги на босу ногу переступаешь, кулаки студеные продуваешь, щецъ горячихъ и прихлебнула бы, да ложки и плошки нѣтути; а поколѣ ложкою скудельною Христа–ради гдѣ разживешься, такъ и щи давнымъ давно простыли и собаки ихъ вылакали и горшки вылизали! Аль ты карга–птица сивобокая, отъ нужи и туги сѣдина пробивается, лысины нѣтъ, да и кудрей не видать; на лаптяхъ снѣжокъ, а въ зобу песокъ? Чего, кумушка–вѣщунья, пригорюнилась? Не то чарой зелена вина кто обнесъ тебя, не то свѣтъ–сосѣдъ мимо шелъ, да не кланяется? Аль ты нужда, звѣрь чудище, о семи ногахъ, что бѣда надъ нимъ прилучилася,

да замѣстъ хвоста у него хоботъ выросъ, а замѣстъ хобота хвостъ крючкомъ? Аль зайчикомъ мохноногимъ по зарямъ прыскаешь, тушканчикомъ, табарганомъ подъ землей живешь, не то бѣлугою сорокапудовою, словно бѣлевская купчиха, съ боку на бокъ переваливаешься? тяжело–то оно тяжело, да крякнуть нельзя: водою глотку такъ и заливаетъ тебѣ! Ой! нужда, нужда! кто про нужду на вѣку своемъ не слыхивалъ, кто надъ буйной головой своей ея не видывалъ? и тутъ–то она и тамъ она; и повсюду ее поминаютъ, и всему она причина, и всѣмъ она виновата, а самоё ни тутъ ни тамъ ее не увидаешь; либо невидимкой по бѣлу свѣту носится, не то затворницей гдѣ въ скитѣ сидитъ; вѣдь не даромъ же говорится, что нужда и по воскреснымъ днямъ постится, что нужда научитъ и калачи печь, и Богу молиться; ужъ не ональ развѣ Чурилья игуменья, про которую поется:

Какбы русая лиса голову клонила,
Чурилья игуменья къ заутрени ходила —

Будто галицы летятъ, за ней старицы идутъ,
Старицы, черницы, души красныя дѣвицы!

Ужъ не она–ль, нужда, въ стужу и въ вьюгу зимнюю воробышкомъ сѣренькимъ подъ стрѣху забивается; да сидитъ тамъ нахохлившись? Да нѣтъ, правда; зачѣмъ же про нужду поютъ:

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ,
Нужда пѣсенки поетъ?

Стало быть она барыня веселая; а можетъ статься и пригожая, а еще чего добраго и ласковая, сговорчивая? Вѣдь говорятъ же: нужда послѣднюю копѣйку ребромъ катитъ; стало быть она и тороватая хозяйка и проказница; нужда свой законъ пишетъ — стало быть и сильна и могуча; нужда смекаетъ; нужду не проведешь; нужда изъ лычка кроитъ ремешекъ — такъ она же и досужая художница, коли не чернокнижница, а спроста изъ рогожи — сыромятной кожи не сдѣлаешь; нужда умъ родитъ, нужда изъ подъ Сызрани да въ Москву пѣши ходила; нужда красно баитъ;

нужда чутьемъ слышитъ, нужда и плачетъ припѣваючи; нужда комель грызетъ; нужда горбится, нужда и прямится... «Да что же это за проказница? какая такая нужда на свѣтѣ живетъ?» такъ спросилъ богатый молодой баричъ любимаго стремяннаго своего, который, какъ барину его было извѣстно, зналъ все, а стало быть и это. «Что такое нужда?»

— Нужда, сударь, птица*).

«Да какая жъ она птица, Игнашка? гдѣ она проживаетъ, гдѣ водится? Отчего же я ея не видалъ?»

— Она, сударь, не скворецъ; по барскимъ дворамъ не водится. Она отъ большихъ господъ, отъ бояръ, до поры до времени бѣгаетъ; а случается грѣхъ, что навяжется, такъ спасибо не скажешь ей. Лучше и не спрашивайте, сударь, про нее; въ ней пути мало. Она–то случаемъ вываживаетъ нашего брата годъ со днемъ босова да нагова; она и медвѣдя смургонскаго тебѣ кланяться заставляетъ; она первая по свѣту проказница; онажъ по ночамъ у мужиковъ

---

*) Въ народѣ у насъ филина называютъ *нуждой –птицей*.

утятъ таскаетъ, бѣду накликаетъ; а отъ краснаго солнышка она хоронится.

Баричъ привязался къ стремянному своему, къ Игнашкѣ: «покажи да покажи нужду; хочу видѣть ее; не стращай, а покажи; найди гдѣ хочешь, веди меня куда знаешь, а покажи!»

— Коли гдѣ случится мнѣ увидать ее — отвѣчалъ Игнашка — такъ покажу; а теперь, баринъ, взять ее негдѣ. Она дается не всегда и не всякому, хоть и не больно часто за нею гоняются.

И случись однажды, какъ ѣхалъ баринъ съ Игнашкою на охоту–ли, съ охоты–ли — а другой ѣзды баричу нашему не было — сидитъ въ лѣсу на деревѣ нужда–птица, филинъ. Припекло ему солнце очи, а слетѣть не знаетъ куда, не видитъ; сидитъ, да отщелкивается отъ стаи птахъ и пичугъ, которыя шьютъ и снуютъ вокругъ да около, съ крикомъ, съ шумомъ, съ плачемъ. «Вотъ нужда сидитъ, баринъ», сказалъ Игнашка; «возмите ее!» Баричъ пошелъ было, да Игнашка пріостановилъ его: «Постойте, сударь, эдакъ она не дастся, улетитъ;

мерлушечью шапку сымите, да бекешку–то скиньте, чтобы птица не пугалась, да и легче будетъ вамъ взлѣзть; да разуйтесь, чтобы не слыхать ей было поступи, такъ тогда дастся она, поймаете.»

Жилъ былъ гдѣ–то на барскомъ дворѣ козелъ дармоѣдъ: сѣна въ волю, а службы и работы нѣтъ ему никакой; развѣ только, по своей охотѣ, проводитъ лошадей на водопой, да съ водопоя; и то еще ину пору не пойдетъ, не досужно–де; а отъ чего не досужно? какая работа одолѣла? да вотъ, товарищъ все пристаетъ, лобъ подставляетъ, все проситъ пободаться. Ну чего бы ему еще, кажись? такъ нѣтъ, соскучилось ему; съ жиру и собака бѣсится; пошелъ онъ съ ребятишками съ горки кататься, по льду скользить, да и выломилъ ногу. Такъ и баричъ нашъ: нечего ему было дѣлать, хлопотъ и заботъ никакихъ, такъ пошелъ искать и промышлять себѣ нужды!

Поймалъ баринъ птицу, слѣзъ кой–какъ съ дерева, ободрался весь — глядь, анъ Игнашка съ лошадьми ускакалъ, а барина

босаго и нагаго покинулъ, баринъ кричать, баринъ гукать, баринъ аукать — нѣтъ Игнашки, и слѣдъ простылъ! Какъ тутъ быть? взялъ онъ нужду–птицу подъ мышки, самъ поплелся, проклиная стремяннаго своего, безъ шапки, безъ шубки, босикомъ, подувая въ кулаки, да пожимая плечами. Нужда изъ подъ Сызрани въ Москву пѣши ходила.

«Такъ вотъ она, нужда, какая бываетъ!» сказалъ баричъ, спознавшись съ птицей своего залова, съ которою прозябъ уже до мозговъ, ознобилъ ноги и руки и едва только доплелся, позднимъ вечеромъ, до какой–то деревушки. Онъ постучался въ оконце — въ другое — въ третіе — не пускаютъ прохожаго; въ которой избѣ спятъ мужики, что зарѣзанные, и не достучишься ихъ, не докличешься; въ которой и проснулись, знать, да не откликаются; — либо неохота съ полатей на морозъ выходить, либо постою боятся. «Нечего дѣлать,» думаетъ баричъ нашъ, «надо подыматься на хитрости. Не даромъ же нужда со мною, да не даромъ же и про

нужду догадливую, изворотливую, столько причудъ и чудесъ въ народѣ сказываютъ: нужда горбится, нужда и прямится; нужда научитъ и калачи печь и Богу молиться!»

Онъ подошелъ къ чистой, бѣлой избѣ о двухъ жильяхъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ; взобрался тихомолкомъ на крытый дранью навѣсъ, подъ которымъ, видно, была хозяйская лавка, гдѣ торговалъ онъ лаптями, веревками, дугами, колесами, коврыгами, орѣхами, пряниками — чему баричъ нашъ догадался потому, что тутъ пахло дегтемъ, а нужда чутьемъ рыскаетъ — влѣзъ и сталъ заглядывать въ окно. Липовый бѣлый столъ въ красномъ углу; половина его закрыта столечникомъ узорчатымъ; свѣтецъ не съ лучиной, а со свѣчею, на столѣ; а тутъ и всякой харчъ и ѣжа; и вино, и пирогъ и гусь жареный, и за столомъ молодая, пригожая баба, да съ нею рядомъ, на лавкѣ, молодой парень, и они вмѣстѣ веселятся–потѣшаются, пьютъ да ѣдятъ, смѣются да забавляются.

«Бабёнка эта», подумалъ баричъ нашъ, съ нуждою подъ мышкой въ окно глядя,

«бабёнка эта хозяйка; иначе она бы не подчивала гостя своего; а что онъ гость, а не хозяинъ, такъ это признать можно по пріемамъ ихъ: вишь она подноситъ ему ласково и кланяется, а онъ принимаетъ да усы поглаживаетъ; видно это, что онъ гость, и по рукавицамъ и по бархатной шапкѣ его, которыя лежатъ подлѣ, на лавкѣ, а не висятъ на своемъ мѣстѣ, на колкѣ. Стало быть хозяина нѣтъ дома, а хозяюшка безъ него погуливаетъ!» Нужда смекаетъ дѣломъ, нужду не проведешь; и догадлива она, и понятлива!

Нужда постучался посохомъ своимъ въ оконце; хозяйка вскочила и спросила: «кто тамъ?» а парень чуть не подавился пирогомъ и вылупилъ очи на окно. «Отворяй», отозвался нужда, «хозяинъ!» И Нужда оглянуться не успѣлъ, какъ пирогъ полетѣлъ со стола въ поставецъ, вино за кивотъ, на полочку; гусь въ печь, а гость — подъ кутникъ, гдѣ хозяйка завалила его рѣшетами, да разнымъ хламомъ и скарбомъ, а сама въ попыхахъ и въ суетахъ приговаривала: «охъ, голубчикъ свѣтъ,

говорила я, что надо быть нынѣ хозяину! натолкнулъ же лукавый на грѣхъ, да не спасъ Господь! лежи жъ ты, голубчикъ, самъ нишкни; авось минетъ неминучая!» Сама жъ она, хозяйка, кинулась отпирать дверь да ворота. Ей вишь и не вдогадъ, чтобы кто увидалъ, что у нея творится; Нужда влѣзъ на навѣсъ, а она думала, что хозяинъ постучалъ въ высокое окно съ земли, кнутовищемъ.

Той порою, не успѣлъ Нужда соскочить съ навѣсу на снѣгъ, глядь — сани одноконныя бѣгутъ, только снѣгъ хруститъ, и прямикомъ къ бѣлой избѣ о двухъ жильяхъ, и прямо къ воротамъ досчатымъ, подъ щипцомъ, да съ пѣтушкомъ, да на высокихъ столбахъ.

«Отворяй!» закричалъ рыжій мужичина съ окладистою бородою, похлопывая рукавицами и слѣзая съ саней, «отворяй Кононовна! хозяинъ пріѣхалъ!» И Кононовна, отвѣчая «за–разъ, за–разъ, Сидорычъ!» уже возилась у запора. Собакъ, какъ и у большей части великорусскихъ мужиковъ, на дворѣ не

было; только свиньи встревожились да захрюкали, да дюжина барановъ проблеяли. Заскрипѣли полотенца на вереяхъ, и огарокъ въ рукахъ Кононовны бѣгло освѣтилъ крытый дворъ: справа ясли, колоды, телеги и сани, пара коней, коровушки, свинки да овцы; слѣва лѣсенка, крылечко на рѣзныхъ столбикахъ и чугунный умывальникъ съ двумя носочками, на желѣзныхъ цѣпочкахъ. Между тѣмъ Сидорычъ, глянувъ на барича, спросилъ: «Это кто такой подъ заборомъ стоитъ?»

— Пусти, землякъ, въ избу погрѣться, духъ отвести, иззябъ до смерти, — отвѣчалъ Нужда; — были мы, вишь, съ бариномъ на охотѣ, ѣздили по птицу да по звѣря, да настигла насъ невзгодица; кони побили, да вотъ, холоднаго и голоднаго покинули; пусти, землякъ, отвести на теплѣ душу!

Хлѣбосольный хозяинъ позвалъ Нужду съ собою въ избу, посадилъ у стола и подчивалъ какъ гостя, всѣмъ что Богъ послалъ. Но Богъ послалъ на этотъ разъ,

чашку какихъ–то щецъ, по которымъ, какъ говорится, плетью ударишь и пузырь не вскочетъ; да послалъ еще коврыгу хлѣба ржанаго, въ пять четвертей съ вершкомъ — и только. Хозяйка не ждала, говоритъ, нынѣ хозяина, и тужила, что не изготовила ничего получше. «Кабы ты–де впередъ сказывалъ когда домой ждать тебя, я бы тебѣ пирогъ испекла».

«А что у васъ за птица, прохожій господинъ?» спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ на толстоглазаго филина, который сидѣлъ рядомъ съ гостемъ на скамьѣ. — Это нужда–птица, — отвѣчалъ тотъ, — умная, расторопная, изворотливая; все знаетъ и все видитъ, и говоритъ.

«И говоритъ?» подхватилъ хозяинъ, оборотивъ ложку и положивъ ее на столъ; потомъ, утерши ротъ изнанкою руки, погладивъ бороду и облокотившись на край стола, продолжалъ: «да что же она такое говоритъ?» А филинъ только запыхтѣлъ и щелкнулъ носомъ.

— Такъ она, про себя бормочетъ, — отвѣчалъ Нужда — она говоритъ, что въ поставцѣ у хозяюшки вашей есть пирогъ.

«Въ поставцѣ пирогъ?» спросилъ хозяинъ, оглянувшись, «есть, что ли, Кононовна, такъ подавай!»

— Да не знаю будетъ ли, — отвѣчала та, оробѣвъ маленько, — остатки; братъ ко мнѣ пріѣзжалъ вчера, такъ я про него было изготовила; да никакъ съѣли весь; развѣ что остатки... и подала изъ поставца початой пирогъ.

Нужда толкнулъ филина локтемъ въ бокъ; тотъ опять, вылупивъ на него очи что плошки, запыхтѣлъ да щелкнулъ. «А теперь что она говорить изволитъ, честной господинъ?» спросилъ удивленный хозяинъ. — Да такъ она, все свое несетъ, — отвѣчалъ Нужда; — говоритъ, что вино есть въ стклянницѣ, позадь кивота.

«Есть, что ли?» спросилъ хозяинъ. — Да не знаю, право, отвѣчала хозяйка, ужъ больно испугавшись, — вчера признаться было его немного, да никакъ все вышло. — Глянула; «и то есть:» подала на столъ;

хозяинъ молча налилъ, поподчивалъ гостя, самъ выпилъ и надулся.

— Молчи, дура, — сказалъ Нужда въ полголоса филину, когда этотъ опять началъ пыхтѣть да щелкать; — молчи, не твое дѣло. — Хозяинъ сталъ допытываться, что–де онъ говоритъ? — Да онъ сказываетъ — отозвался Нужда словно нехотя — что въ печи у васъ гусь есть.

«И гусь еще?» спросилъ хозяинъ, «есть что ли? а коли нѣтъ, такъ, видно, Кононовна, самому мнѣ пошарить придется; да нѣтъ ли у тебя и еще чего; такъ ужъ подавай за одинъ разъ!»

Хозяйка кинулась къ печи, отодвинула заслонъ, ахнула и руками всплеснула! — и то есть! Ну ей же Богу, Сидорычъ, не было его и не бывало; и знать я не знаю отколѣ онъ взялся и вѣдать не вѣдаю!

«Послушай, господинъ прохожій», сказалъ хозяинъ «у меня въ домѣ давно что–то не ладно; кабы это дѣдушка–домовой, такъ бы проказы не тѣ были; а то такое дѣлается, что и концевъ не сведешь. Что съѣдомое ни припасешь, съѣдятъ у

тебя изъ–подъ рукъ и не узнаешь кто; мучицы ли пшеничной засыплешь въ засѣку, на вѣсъ да на мѣру, глядишь — не хватаетъ; орѣховъ ли, черносливу ли моченаго, грушеваго ли квасу сдѣлаешь да поставишь въ лавочку, все словно куда проваливается; а въ лавкѣ, коли меня нѣтъ, сидитъ сама хозяйка: не знаешь на кого и поклепать. Что такое это, господинъ честной?»

— А коли въ домѣ у васъ не чисто, — отвѣчалъ Нужда, — такъ виноватый скажется птицѣ моей; и будь онъ хоть самъ сатана, такъ выживу его съ мѣста не сходя.

«Правь съ меня, что положишь»; сказалъ хозяинъ, «ничего не пожалѣю; выведи только концы наружу, да изгони нечистаго!»

Нужда велѣлъ хозяину вытти; хозяинъ въ двери, а хозяйка гостю въ ноги: «батюшка, не выдавай; что хочешь проси, только не выдавай: хозяинъ убьетъ меня!» И братъ, что вчера пріѣзжалъ, да пироги поѣлъ, взмолился изъ–подъ рѣшетъ да корытъ тѣмъ же голосомъ: «хоть всего–де обери,

хоть разуй да раздѣнь, хоть нагишемъ пусти, только душу выручи». Нужда вытащилъ его изъ–подъ кутника, велѣлъ вымараться сажею, надѣть тулупъ изнанкою, рукавицы на ноги, а сапоги на руки; накрылъ ему голову макитрой и посадилъ его опять на то же мѣсто; тамъ позвалъ хозяина и велѣлъ ему стучать метлою по кутнику, а хозяйкѣ шарить помеломъ подъ лавками; глядь — сатана и выскочилъ; и хозяина–то было самого съ ногъ сбилъ и хозяйку напугалъ до смерти, а самъ въ двери, да кубаремъ съ крыльца, да прямо въ снѣгъ; о землю ударился, тутъ и сгинулъ, и слѣдъ ему простылъ. А Нужда взялъ, для ровнаго счету, по красненькой бумажкѣ съ хозяина и съ хозяйки и съ гостя, то есть съ брата ея; и всѣмъ угодилъ, и себя не забылъ. Ай да птица! Правда, что стоитъ она дорогова; правда видно и то, что нужда выучитъ любому досужеству.

Нужда согрѣлся, наѣлся, выспался, запряталъ три красненькія подальше и отправился куда Богъ велитъ, искать и допытываться своего Игнашки. На

заработанныя деньги одѣлся онъ и обулся, день другой пожилъ — а ѣсть опять таки ему нечего! Не Чурилья Игуменья баричъ нашъ, а постничать выучился хоть куда!

Идетъ, идетъ онъ по дорогѣ, что Чапура по прѣсной, долгой лужицѣ, пришелъ опять на какое–то село, и видитъ народъ собрался въ кучу, у сборной избы; старики, съ длинными посохами, сидятъ на заваленкѣ; передъ ними истецъ и отвѣтчикъ; крикъ, шумъ, споръ, а толку, какъ видно, мало.

«О чемъ, ребята, споръ идетъ у васъ?» спросилъ Нужда «чего не порядите? У меня вѣщая птица есть; все знаетъ, все откроетъ, виноватаго выдастъ, самому чорту не спуститъ, а за правду–матку постоитъ: сказывайте, о чемъ идетъ толкъ?» — А вотъ о чемъ: мужикъ просилъ на мужика, что укралъ–де у него сиваго мерина; отвѣтчикъ сиваго мерина привелъ да говоритъ: «лошадь моя, а не его. Она ужъ годовъ съ восемь со мною въ извозѣ ходила, да о спасовку было пропала, коли онъ въ нее вклепывается, такъ стало быть онъ воръ, а

не я». Теперь какъ быть? Свидѣтелей нѣтъ ни у того, ни у другаго; истецъ недавно купилъ коня, никто его не опознаетъ; отвѣтчикъ держалъ его, какъ говоритъ, и долго, да купилъ на сторонѣ и ходилъ онъ у него въ извозѣ, а на селѣ его, мерина, тожъ никто не знаетъ. Какъ тутъ быть?

«Птица все скажетъ», отвѣчалъ Нужда; накрылъ полою голову спорной лошади и прикрикнулъ побойчѣе на отвѣтчика: «Коли–де ты съ мериномъ своимъ восемь лѣтъ въ извозѣ ходилъ, такъ сказывай скоро, не заминайся, да не думай, на который глазъ онъ кривъ?»

— На который глазъ кривъ? — спросилъ мужикъ. — «Да, сказывай скорѣе, что думаешь», отозвался Нужда; «коли не знаешь, такъ стало быть и врешь и лошадь не твоя». — Какъ не знать — отвѣчалъ тотъ опять — знаю, да вѣдь она такъ, немного крива, она видитъ... — «Да нужды нѣтъ, что немного», закричалъ Нужда, «ты сказывай на который глазъ; чего ты переминаешься?» — Да на правый; — отвѣчалъ мужикъ. Нужда откинулъ немного

полу кафтана съ головы спорной лошади и показалъ цѣлому міру, что у мерина правый глазъ живой. — Промолвился! — кричалъ мужикъ, взмахнувъ руками и кинувъ шапку о землю, — какъ Богъ святъ, промолвился! мнѣ ли не знать мерина своего! промолвился, ребята, конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается, а языкъ безъ костей, ино и не хотя свихнется! кривъ онъ на лѣвое око, ей же на лѣвое!

Нужда только того и ждалъ: откинувъ всю полу, закричалъ онъ на весь міръ: «Вретъ онъ, ребята, вретъ самъ, какъ сивый меринъ; онъ воръ, а не хозяинъ; смотрите вотъ: меринъ глядитъ въ оба глаза, не хуже всѣхъ насъ!» Коня отдали, по приговору мірскому и стариковъ, настоящему хозяину, который охотно напоилъ и накормилъ Нужду за помощь и услугу его и подарилъ его еще кой–чѣмъ въ дорогу.

Нужда собралъ пожитки свои и гостинцы: крупъ, мучицы, хлѣбца, да небольшой котелокъ — и пошелъ далѣе. Путемъ–дорогою, отмѣрявъ верстъ десятка съ полтора, захотѣлось ему погрѣться, да

поѣсть горячаго: онъ развелъ въ чистомъ полѣ огонекъ, нагребъ въ котелокъ снѣжку, растопилъ его, вскипятилъ — сказано: нужда учитъ калачи мѣсить — засыпалъ крупъ и заварилъ себѣ кашицу. Смотритъ — ѣдетъ баринъ, такой же, какимъ и онъ самъ недавно былъ, ѣдетъ порошею, шажкомъ, съѣзжаетъ зайца. «Дай зашутить шутку» подумалъ Нужда: поставилъ готовую кашицу свою на пенекъ, затопталъ огонь, загребъ его снѣгомъ, и ну плясать въ присядку вокругъ пенька того да приговаривать: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ!»

— Что такое дѣлается тамъ — сказалъ баринъ ловчему, не то доѣзжачему своему, — скачи–ка туда да погляди. — Ловчій воротился и донесъ, что–де проказникъ какой–то на сухомъ мерзломъ пнѣ, безъ огня, кашу варитъ. — «Что за чудо», подумалъ баринъ, хотя онъ думу думать и не больно бывалъ гораздъ, «что за диво такое!» и подскакалъ самъ глянуть, какъ–де варится кашица безъ огня, на мерзломъ пнѣ. Постоявъ, поглядѣвъ, да

отвѣдавъ кашицы нашего проказника, сказалъ онъ: «Да это предорогая вещь въ отъѣзжемъ полѣ, для охоты, въ дорогѣ»; и сталъ допытываться: въ чемъ тутъ сила, въ пенькѣ–ли, въ пляскѣ–ли, аль въ котелкѣ? И сталъ торговать весь снарядъ этотъ у нашего Нужды, за большія деньги. «Пенекъ вашъ» сказалъ ему Нужда; «на вашей землѣ выросъ; его покупать нечего; а вся сила въ пляскѣ, да въ пѣснѣ, да въ котлѣ;» и продалъ котелокъ свой охочему боярину и научилъ его плясать въ присядку да приговаривать: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ»; деньги–тѣ взялъ, а самъ пустился скорѣе своимъ путемъ безъ оглядки во свояси. Много ли каши наварилъ въ котелкѣ этомъ новый хозяинъ его — не знаю; слышалъ только, стороною, отъ псарей да отъ конюховъ его, что замучилъ онъ и ихъ и себя, поставивъ котелокъ на пень, насыпавъ въ него крупъ, наливъ его водицей и заставивъ всѣхъ ловчихъ и доѣзжачихъ поочередно выплясывать въ присядку около походной

кухни своей, пѣть и приговаривать, и наплясавшись самъ вкругъ нея до упаду.

Много ль, нѣтъ ли и Нужда нашъ прошелъ по дорогѣ — слышитъ топотъ за собою, крикъ и скачку — догадался онъ, не долго думавъ, что новому повару знать котелокъ–самоваръ не полюбился, досужество не далось, и что шлетъ баринъ за штукаремъ погоню. Какъ тутъ быть? Куда кинуться? А поймаютъ, такъ отъ арапниковъ врядъ ли отвертишься! Ухватилъ Нужда хворостину да посохъ свой дорожный, взмахнулъ ими, да и закинулъ на сосну; а самъ сѣлъ подлѣ дороги, кафтанъ надѣлъ изнанкой, а барскій жилетъ свой, сверхъ кафтана; шапку–новокупку, поизмявъ да вывалявъ ее, надвинулъ околышемъ на глаза — сидитъ, ожидаетъ что–то будетъ.

Не прошло и съ эстолько часу, какъ теперь, когда сказываю я вамъ что такое передъ нами дѣется и творится, какъ наскакалъ на Нужду нашего вершникъ доброконный и сталъ распрашивать его: не видалъ ли онъ пѣшаго прохожаго, по этой

дорогѣ? Нужда отрекся ото всего, ничего не видалъ, не слыхалъ, знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ; а кланялся только низменно, горько плакалъ и просилъ милосердой помощи наѣздника. «Шло», говоритъ онъ, «по дорогѣ трое школьниковъ какихъ–то; я, Богомъ убитый калѣка, плелся, побираясь святою милостынею, на двухъ костыляхъ; набѣжали они на меня — прости имъ Господи согрѣшеніе ихъ, — наскочили на меня бѣднаго, юродиваго, выхватили изъ–подъ рукъ костыли мои, да закинули вонъ на макушку сосны! Честной, богобоязливый доѣзжачій! Смилуйся надо мною, надъ бѣднымъ сиротою; умереть мнѣ здѣсь голодною и холодною смертію, умереть отъ туги и нужды, коли не сотворишь богоугодное, не скинешь костылей моихъ съ сосны высокой!»

Доѣзжачій, молодой, проворный парень, проворчалъ было про себя — некогда, да баринъ браниться станетъ, догонять надо вора, обманщика, — но расчитавъ, что пѣшій отъ коннаго не уйдетъ, и что, подлинно, убогій калѣка пропадетъ и

сгинетъ ни за грошъ, коли онъ не выручитъ его изъ бѣды такой, соскочилъ съ коня, далъ ему, нищему, подержать его за поводъ, а самъ полѣзъ скорымъ шагомъ на сосну.

Безногій нашъ только и ждалъ того, чтобы доѣзжачій повыше на дерево взобрался: вскочивъ на коня, да катай–валяй его по крутымъ бедрамъ, влѣво и вправо, вправо и влѣво — скрылся да изъ виду ушелъ, поколѣ пѣшій доѣзжачій успѣлъ образумиться, оправиться и слѣзть съ высокаго дерева. «Нужда грѣха не знаетъ» подумалъ баричъ нашъ, раздобывъ коня, опознавъ вскорѣ родныя мѣста вокругъ себя и расчитавъ, что до дому уже не далеко. Теперь нужда–птица ему ужъ лишняя; наскучила она и надоѣла, да отвязаться отъ него не отвяжется. Ужъ онъ и кинулъ ее, и гонялъ ее — нѣтъ, она за нимъ. Онъ станетъ, она тутъ; онъ бѣжитъ, онъ скачетъ, она за нимъ, на широкихъ крыльяхъ своихъ; нѣтъ отбою, да и только. «Отвяжись ты, окаянная!» бранился баричъ нашъ, «я ѣду теперь домой, на сытый

столъ, на мягкую постель, на приволье, а тебя, горемыку больше и знать не хочу, будетъ съ меня!» А нужда–птица, пощелкивая носомъ своимъ, свой разговоръ ведетъ, да не отстаетъ ни на шагъ.

«Нужда умъ родитъ» подумалъ баричъ, «и надо съ нею поуправиться; а жить съ нею не находка; она, чего добраго, и домой ко мнѣ бѣду занесетъ».

— Здравствуй, честной господинъ! Все ли въ добромъ здоровіи васъ, благодѣтеля моего, Господь сохраняетъ? — Нужда оглянулся; несетъ судьба встрѣчу ему, по дорогѣ, на широкихъ пошевняхъ, на парѣ добрыхъ, толстоголовыхъ рыжаковъ, подъ расписанной и рѣзьбою разукрашенной дугою, съ бубенчиками не менѣе шести фунтоваго ядра подъ ушами, несетъ, говорю, судьба стараго знакомца его, Сидорыча, блаженнаго супруга Кононовны. — Долго, послѣ вашей милости отбытія — продолжалъ Сидорычъ — долго у меня въ домѣ все было благополучно, ясно и видимо изобличалась сила благодѣтельной помощи вашей: да вотъ

нынѣ, господинъ честной, никакъ опять кой–что проявляться стало; опять таки что–то не ладно, а съ чего притча такая дѣется, не приберешь какъ и разума приложить. — Слово за словомъ, не успѣлъ Сидорычъ напроситься на нужду–птицу, какъ баричъ радъ–радешенекъ сбыть ее съ рукъ, продалъ ему филина безъ слова, съ руками отдалъ и насулилъ съ него пути и блага и добра съ три короба. «Будетъ–де она жить–служить и у васъ какъ у меня, станетъ выказывать все, что ни дѣется въ домѣ, и хозяина своего ни за что въ обиду не дастъ».

А сколько она, нужда–птица, была пользительна новому хозяину своему, это особь–статья; довольно вамъ того, что такимъ–то изворотомъ сбылъ баричъ нашъ птицу свою, съ рукъ и съ плечъ долой, спознался и разстался опять съ нуждою и воротился домой гораздо посмышленѣе, да и порасторопнѣе чѣмъ выѣхалъ.

«Ну, счастье твое, Игнашка, счастливъ твой Богъ, что хоть помаялъ ты меня правда, да судьба моя, счастье мое, по

добру, по здорову домой меня вывезло; старое по русской пословицѣ, въ добрый часъ не поминается; Богъ тебя проститъ, не хочу на тебя и гнѣваться. Счастье и мое и твое, Игнашка, что наше счастье, знать по умнѣе да подогадливѣе насъ обоихъ, а то бы не бывать изъ этого добру! Аль и подлинно ужъ нуждою и счастье насилуется?»

— А что такое счастье? — спросилъ въ свой чередъ Игнашка у барина; — я научилъ васъ, сударь, нужду знать, покажите же вы мнѣ счастье!

Баринъ призадумался. «Счастье — убогому алтынъ, богатому милліонъ; а подай каждому чего просятъ — скажутъ: мало, давай еще столько, да еще полъ–столько, да четверть–столько, да начинай опять съизнова: счету нѣтъ конца, а стяжанію человѣка также. Да и счастье–ль это, хоть оно счастьемъ и называется? За тотъ же алтынъ нищій нищему голову накостыляетъ, а богатый... да сказано слово: поетъ пѣсни сапожникъ, а не поетъ откупщикъ; какое–жъ тутъ счастье? А

братъ на брата, племянникъ на дядю, сынъ на отца, за что идутъ? все за ту же проклятую мишуру, что въ чужихъ рукахъ блеститъ, а въ своихъ меркнетъ... стало быть счастье нищета, нужда? Нѣтъ, Господь съ нею; и это не счастье, я на бѣду спознался съ нею, да радъ что отвязалась! Счастье умъ, счастье разумъ — такъ разумъ, говорятъ, доводитъ до раздумья, умъ до безумья; счастье — златомъ граненые чертоги; счастье скипетръ въ десницѣ, всесильная держава въ шуйцѣ?» — А холера, — сказалъ Игнашка, — душитъ всякаго, праваго и виноватаго, убогаго и богатаго; да еще добро задушитъ, а какъ тугою поведетъ, столбнякъ ошеломитъ, проказа сатанинская навалится, либо какая нибудь нечестивая болѣзнь, прости Господи, изнасилуетъ, да сорокъ лѣтъ жить укажетъ, и ее съ собой на плечахъ таскать, какъ, сказываютъ, проносилъ солдатъ три года со днемъ смерть за плечами, тогда какъ быть? Да еще каково–то на томъ свѣтѣ доведется отвѣтъ держать, за каждую крупинку, за былинку, за грѣшный сонъ и

за думку съ просонья?! Такъ гдѣ–жъ тутъ, баринъ, счастье?

Гой ты счастье, сударушка, невидимочка! Ты скажись родомъ, племенемъ, скажись именемъ, отчествомъ! и по прозваньицу тебя–бы можно честить, по роду–племени пожаловати! И слѣпою–то тебя называютъ; и спиной, говорятъ, ко всякому, кто ни подойди, оборачиваешься; нужда учитъ, говорятъ, а счастье портитъ; а сами за счастьемъ, что за мухой, съ обухомъ гоняются; гдѣ счастье, тамъ и умъ, гдѣ счастье, тамъ и зависть; счастья ищи, а въ могилу ложись; счастье зови, а горе терпи; такъ на что же его послѣ этого и звать? глупому счастье, умному ненастье; есть и умъ, да пустосумъ; нѣтъ ума, да туга сума; кому таланъ, тотъ и атаманъ; кому не поведется, у того и пѣтухъ не несётся; стало быть ума и не надо, было бы счастье... такъ опять говорится: счастье безъ ума, дырявая сума; гдѣ найдешь, тамъ и сгубишь; ну, такъ видно опять надо искать и ума? Анъ говорятъ: не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись

счастливъ; счастье дороже ума; съ рожи болванъ, а во всемъ таланъ; счастливый къ обѣду, роковой подъ обухъ; счастливый о двуконь, безсчастный пѣшъ и босъ; стало быть съ нимъ, со счастьемъ, ужиться бы и можно, да счастье съ несчастьемъ, сказываютъ, дворъ обо дворъ живутъ, на одномъ конѣ ѣздятъ; счастье поѣдетъ, да односума своего, бѣду бѣдовую, по калмыцки, на забедры посадитъ; счастью, говорятъ, не вѣрь; счастье дымъ, очи выѣстъ; счастье чадъ, головушку разломитъ; счастье да трястье, кого захочетъ, того и ломаетъ; счастье къ тебѣ, а ты отъ него; ты къ нему, оно отъ тебя; голый на Бога плачется, одѣтый и обутый на счастье; да кто–же оно, счастье это? Счастье тать ночной, счастье Богъ святой...

Нѣтъ; счастье, сказывалъ мнѣ мудрецъ восточный, не слѣпо; у него только глазъ одинъ, да и тотъ на самомъ темени, на макушкѣ; это бѣдная мать, утратившая, со временъ незапамятныхъ, единое дѣтище свое; она летаетъ быстро по землѣ, да ищетъ дитя свое, ловитъ на удачу всякаго,

кто только подъ руки подвернется: стало быть играетъ, по нашему, въ жмурки; а кого только поймаетъ, того приподымаетъ по малу, потихоньку, выше да выше, что де–скать счастье мое скажетъ, не мой–ли это сынъ? а какъ только приподыметъ его повыше головы своей, да разглядитъ, да увидитъ, что это не любимое дѣтище ея, а ненавистный ей чужой, то и махнетъ его черезъ себя, да и полетѣла дальше. Хоть ты себѣ тутъ шею выломи, хоть топчи пожалуй, кому охота, тебя подъ ноги — не оглянется, не воротится: прошла и слѣдъ простылъ; а сама уже ловитъ другаго, да поймавши и его туда же.

И баричъ нашъ, призадумавшись, захотѣлъ было итти искать счастья, спознаться съ нимъ, какъ спознался съ нуждою. «Хочу видѣть его», говорилъ онъ, «хочу извѣдать, каково оно, и какъ съ нимъ обживаются!»

— Постой, баринъ, — сказалъ Игнашка — погоди: за счастьемъ пойдешь, а Богъ вѣсть что найдешь; не наткнуться бы опять на нужду–птицу! Есть у меня на примѣтѣ

человѣкъ, про котораго шла когда–то молва, что онъ заманилъ и залучилъ счастье; послушайте:

— Есть наука мудрая, глаголемая: космографія, изучающая положеніе странъ свѣта и земель и показующая, гдѣ и какая земля къ какой примыкаетъ и какой товаръ и скотъ въ ней родится, и какія твари и человѣко–твари, василиски, сирины, счастливіи и несчастливіи людіе живутъ и обрѣтаются. И сія–то наука любомудрая глаголетъ о счастіи тако:

«И бысть во царствѣ единомъ на востоцѣ царь, сильный въ людѣхъ своихъ и могучій надъ враги своя, ратію, еже ей нѣсть числа; и неисточимъ въ житницахъ и сокровищницахъ своихъ, и зѣло великъ думцами своими. И бысть ему дщерь плоти его единая, овую же держахъ любовно на сердцѣ своемъ, паче злата и сребра и сокровищъ и ризъ драгихъ и самого даже царствія своего; душу свою въ оной дщери любой не чаявши.

«И низойде, въ годину овую, повѣтріе зельно на человѣцы страны тоя и погибоша

и умроша людіе, аки злакъ дольный, лезвіемъ серпа усѣкновенный. И не бысть зелія ни единаго отъ немощи тоя: ниже молебствія со крестными ходы, съ ѳиміамы кадильными, отъ повѣтрія оваго не исцѣляху людіе погибающи.

«И сокруши немощь смертная дщерь плоти царя единую, юже любовно держахъ царь паче имени и царствія своего; и воззва царь сильный силою, и мощный мочію: «Егда обрящется мужъ велемудрый, вѣдущъ во травѣхъ и зеліяхъ, иже исцѣлитъ дщерь плоти его единую отъ немощи смертныя, ему же царствомъ воздастся цѣлымъ, нераздѣльнымъ, и короною державною, и всѣми сокровищи и скарбы насущными; ему же въ царѣ, сильномъ въ людѣхъ своихъ и карающемъ враги своя ратію присне–побѣдною, рабъ обрящется покорный, раболѣпный, и съ сокровищи и земли и люди своя и царства своего, отъ нынѣ и до скончанія вѣка; и быти во царствіи овомъ единой душѣ нерабской, дщери плоти и любви царской.»

«И предста хиромантъ всевѣдущій въ травѣхъ и зеліяхъ предъ царя того, и рѣче: «Аще хощеши исцѣлити дщерь свою, да обрящешь во царствіи твоемъ счастливца единаго, самого себя блаженства земнаго причастна глаголюща, ни единой потребы, ни единаго желанія не имуща; егда же обрящеши во царствѣ твоемъ мужа оваго, возложи натѣльную ризу, сирѣчь сорочку его, на сокрушенну недугомъ смертнымъ дщерь твою, и возрадуется паки жизнію и возведетъ очеса на тя и возлюбитъ жизнь.»

«И побѣжали гонцы во всѣ концы царства того, и изъѣздили всѣ углы и закоулки, всѣ улицы и переулки, торные пути и захолустья, рѣдняки и трущобы, города и пригороды, села со приселки и выселки — нѣтъ у сильнаго и могучаго царя счастливаго подданнаго. Кто и доволенъ–бы судьбой, да денегъ мало; кто и богатъ, да хотѣлось бы ему быть еще маленько побогаче; кто жены проситъ, кто разводу; кто знати, кто досужества; кто ума, кто пригожества…

— «Такъ умереть, что ли, единой дочери моей, которой не было и нѣтъ подобной на землѣ, за которую я и царство и себя самого отдаю любому пришельцу въ рабы вѣчные и покорные» — завопилъ отчаянный царь въ немощи своей, «умереть ей и погибнуть неминуемо и неспасимо?»

— «Да нешто она первая или послѣдняя гаснетъ во цвѣтѣ лѣтъ и въ красотѣ дѣвственной, развѣ не всѣ мы такіе же смертные, какъ она? развѣ остался живымъ кто нибудь изъ предковъ нашихъ, или мы будемъ жить съ потомками? Всѣ мы тамъ будемъ, только что не въ одно время. — Такъ утѣшалъ царя неутѣшнаго мудрецъ его; но царь, ломая руки, взывалъ: «Ищите, ищите, найдите мнѣ счастливца, и царство мое ваше, и я слуга и рабъ вашъ по гробъ! Неужели этого мало, и не могу я, этою цѣною, искупить бѣдной жизни, одной только души? Уже ли для меня, который не щадилъ и не щадитъ жизни своей для блага подданныхъ своихъ, уже ли для непорочной, бѣдной дочери моей, никто не

хочетъ сказаться и быть счастливымъ, хотя бы то на одинъ только мигъ?»

— «Сказаться? — спросилъ мудрецъ царя, — коли это можно, *сказаться и быть*, государь, то кому же ближе спасать кровное дѣтище свое, какъ не тебѣ? скажись и будь счастливымъ; одного счастливца, ты знаешь, довольно!

— «Какъ мнѣ быть счастливымъ, когда дочь моя, безъ которой во мнѣ нѣтъ и не будетъ искры жизни, лежитъ на одрѣ смертномъ?» такъ взываетъ царь неутѣшный, «мнѣ быть счастливымъ?» — Такъ вотъ же тебѣ, государь, — отвѣчалъ мудрецъ — вотъ тебѣ живое поличіе всѣхъ подданныхъ твоихъ: каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ; и каждый бы радъ быть счастливымъ, да одного заботитъ одно, другаго печалитъ другое; каждому думается: вотъ бы только это, либо то, такъ и былъ бы я счастливъ, а безъ того не могу.

«Но вотъ гонцы неутомимые все царство искрестили и — «нашли!» кричитъ запыхавшійся вершникъ, наскакавъ въ широкій дворъ царскій, «нашли блаженнаго

счастливца!» Дворецъ царскій словно ожилъ весь, и стѣны и простѣнки и золоченая кровля, отъ бута и до конька, все вздрогнуло и всюду раздалось: «нашли!» — Кто онъ таковъ? гдѣ онъ? Подайте его сюда! да гдѣ отыскали его, отколѣ онъ взялся? Что нужды до этого; все равно; благо нашли, схватили и привели. Онъ здѣсь: не въ каретѣ, не въ колымагѣ, ни даже на дрожкахъ, и не верхомъ, подъ чеканною збруею въ дорогихъ каменьяхъ; гонецъ поймалъ его за воротъ и притащилъ, какъ счастливецъ стоялъ да ходилъ, пѣшаго, на двухъ ногахъ...

— «Я твой рабъ вѣкожизненный, со всѣмъ царствомъ моимъ» возопилъ царь во умилительной радости, преклоняя главу свою передъ счастливцемъ; «и этою цѣною, человѣкъ, покупаю я только сорочку твою; подай ее сюда; тебя межъ тѣмъ облекутъ въ златыя ткани...»

— Сорочки у меня нѣтъ, — отвѣчалъ смиренно блаженный счастливецъ.

— «Какъ нѣтъ? рубахи нѣтъ, нѣтъ сорочки? отдай одну, послѣднюю, сыми съ себя!»

— «Да то–то нѣтъ ее ни на мнѣ, ни за мною; была когда–то, давно, да износилъ всю и кинулъ.

— И прекрасная царевна» закричалъ баричъ нашъ; слушая Игнашку, любимаго стремяннаго своего, «и царевна умерла?»

— Да знать умерла, сударь; покрайности счастливаго, съ рубахой на плечахъ, въ обширномъ царствѣ не сыскалось; хоть царства въ сказкахъ живутъ и не нынѣшнимъ чета; царство это было въ сорокъ–сороковъ обхватовъ земли, а народу въ немъ, что былинокъ въ полѣ. Вотъ вамъ, баринъ, и счастье; теперь раскидывайте–ка бобами сами; въ потѣхахъ — не оно, въ избыткѣ — не оно; а гдѣ, да въ чемъ оно? этого голышъ блаженный не сказалъ; рубахой, говоритъ, обзаводиться не стоитъ, что съ нею, что безъ нея, мнѣ все одно; судьбой я доволенъ, сытъ бываю почитай что каждый день; хотѣть я ничего не хочу, ничего мнѣ

болѣ не надо, царства вашего не возьму и даромъ — не держите–жъ меня здѣсь по пустому, а отпустите безъ грѣха, домой; вотъ я чего хочу.

— А и то еще говорятъ, баринъ, — сказалъ Игнашка, — гдѣ правда тамъ и счастье.

Правда? а что такое правда? Это что за звѣрь, птица или рыба! Что такое на свѣтѣ правда? Правда — вещь совсѣмъ иная; это не нужда и не счастье и не имъ чета, ниже ровня. Правда мірская — это вещь потѣшная. Правда свѣтлѣе солнца; что правда, то не грѣхъ; да зачѣмъ же правда глаза колетъ? Правдою жить — съ людьми не знаться; неправдою жить — Бога прогнѣвить; какъ же тутъ быть? стой за правду горой, и Богъ съ тобой; знай Бога да сказывай правду; кто правдою живетъ, тому Богъ даетъ; это бы и ладно, да говорятъ: правда по міру ходитъ; молвить правду, не знать дружбы; а по міру ходить, да безъ друга жить, самъ себѣ опостынешь; а это уже и не ладно. Говорятъ: хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь — а говорятъ и такъ: хлѣбъ рѣжь, а правду ѣшь; то есть самъ глотай, да

про себя и знай. Да опять и то сказать, ино правду говорить большому человѣку, не легче лжи; и правдою ину пору подавишься. Говорятъ, все на свѣтѣ сгинетъ, одна правда останется; да куда же она послѣ всего этого годится? сами же говорите вы: правда къ добру не доведетъ — правдою не обуешься, сытъ не будешь! Вы мнѣ на это молвите: да въ комъ честь, въ томъ и правда; ладно, да не вы ли сказывали намедни: глупый, да малый говорятъ правду: какая–жъ честь, скажите, въ глупомъ да въ маломъ? грекъ, жидъ, да армянинъ молвятъ правду по одному разу въ годъ; — это что? да развѣ они живутъ хуже нашего? Или они вѣрятъ тому, что сильна правда, да деньга сильнѣй? Такъ за что же, коли такъ говорится: засыпь правду золотомъ, она всплыветъ; правда и въ золотѣ не тонетъ; дороги твои сорокъ соболей, а на правду и цѣны нѣтъ; а на что опять вы же говорите: хороша правда, годится и неправда? это что? или вотъ это: одно слово правды весь свѣтъ перетянетъ; да коли она по золоту плаваетъ, какъ вы сейчасъ же говорили,

такъ стало быть золото будетъ потяжелѣ правды вашей? Куда ни сунься, кого ни послушай — все его правда, словно ее на откупу держатъ; а гдѣ двое сойдутся, тамъ и двѣ правды, да каждый хвалитъ свою; что же она за оборотень такой, что за двойникъ, и за что же она дорога, коли у всякаго есть своя и всякій съ нею носится и няньчится? Живи правдой въ людяхъ, живи правдой дома; а между тѣмъ, не всякую правду женѣ сказывай; не солгать, такъ и правды не молвить; не будь лжи, не стало бы и правды; хорошая ложь дороже плохой правды; стало быть сами учите лгать; а соври кто, хоть одинъ разъ на вѣку своемъ, такъ вы же, махнувъ рукой, скажете: кто одинъ разъ совретъ, тотъ вѣку безъ другой неправды не доживетъ. Неправда отшельникомъ не живетъ: гдѣ одна, тамъ и другая, а гдѣ двѣ, тамъ плодятся онѣ и множатся, какъ змѣи около знаменья. Отъ лжи не мрутъ, да впередъ вѣры неймутъ; да коли стародавніе пророки померли, а новые правды не сказываютъ, такъ тогда какъ быть? гдѣ добудешь ее, коли безъ нея, какъ

говорится, вѣку не изживешь? Гдѣ она, правда эта, и гдѣ ее взять? И какая–жъ это правда, которая на свѣтѣ надобна, безъ которой вѣку изжить нельзя; которою свѣтъ пройдешь, да только назадъ не воротишься? Эта правда, сказываютъ, вещь потѣшная.

Жилъ, былъ, во землѣ далекой, иноязычной, иновѣрческой, пастырь духовный, по турецки мулла, по нашему попъ, по нѣмецки пасторъ, по польски ксёндзъ. Онъ славился на весь міръ правдою и благочестіемъ и самъ хвалился повседневно, что терпитъ напраслину за одну только правду; а онъ былъ убогъ и скуденъ до крайности.

Однажды, взяло его горе тугое и раздумье бѣдовое: «Плачусь я» говоритъ «Богу, Богъ не слышитъ; плачусь людямъ — люди вѣры неймутъ; а голодъ не угаръ, отъ него не переможешься, не переспишь. Что я буду дѣлать и какъ мнѣ быть? По міру ходить съ котомкой — грѣшно, да и не велятъ, не приказываютъ, попадешься, такъ не развѣдаешься; идти молотить за хлѣбъ

насущный, такъ силъ нѣту, дѣло непривычное; духомъ я бодръ, а тѣломъ слабъ, потому что морилъ плоть свою, какъ велитъ законъ. Въ займы никто не даетъ; сидѣлъ бы дома да ждалъ, покуда Господь что пошлетъ, такъ скоро пропаду я и самъ, замерзнутъ да вымрутъ голодомъ и холодомъ ребятишки мои; — не сидится, нѣтъ больше силъ!»

Такъ разсуждалъ, окропивъ черствую краюшку хлѣбца горючими слезами, заморской земли пастырь, когда вдругъ вошелъ къ нему зажиточный мужикъ, помолился, поклонился, подошелъ подъ благословенье и звалъ дать имя новорожденному; другой вошелъ, хочетъ дочь подъ вѣнецъ вести; третій пришелъ, съ заплаканными очами, зоветъ хоронить отца. Пастырь вымолвилъ теплое моленіе къ небесамъ: послалъ–де Господь, за правду мою, хлѣба насущнаго, и, какъ дѣло было почитай на тощакъ, то пастырь нашъ и сталъ расчитывать, сколько мѣрочекъ муки, да сколько яицъ, пироговъ, утокъ, куръ, возьметъ онъ на крестинахъ; сколько на

свадьбѣ, сколько на похоронахъ. Расчитавъ все это, сталъ уже думать какъ поправится онъ помаленьку изъ нищеты своей и заживетъ домкомъ, съ чадами и домочадцами своими. Но думай да гадай, а конца поджидай: у новорожденнаго поднесъ ему кумъ лыковыхъ лаптей пару; за то что повѣнчалъ, насыпали ему въ берестовый кошель смородины, да лѣсной малины; на похоронахъ — напоили, накормили, да съ тѣмъ и домой отпустили.

«Не хочу жить!» сказалъ отецъ «пойду утоплюсь. Мнѣ ли домой показаться опять ни съ чѣмъ, и плачъ и жалобу слушать споконъ вѣку одну и ту же, жалобу горькую: тятя, дай хлѣбца! Мнѣ ли пропадать и высыхать по каплѣ, что дуплявому пню, безъ радости, безъ утѣхъ, безъ хлѣба, съ одною правдою? А ужъ яль не молился тепло и правдиво; яль не терпѣлъ, въ чаяніи лучшаго, смиренно, безропотно? Нѣтъ силъ больше, ни за себя, ни за своихъ! Дары мірянъ сложу я у подножія символа вѣры своей, какъ послѣднюю дань отходящаго, а самъ я…

пойте послѣ по мнѣ, коли кто на селѣ безъ меня споетъ, вѣчную память!»

Пошелъ, дождался ночи, сложилъ дары мірянъ, ещежды помолился, и съ твердою рѣшимостью вышелъ на росточь побережную, на крутояръ; и видитъ, идетъ къ нему, въ теми ночной, бѣлобородый старецъ. «Что дѣлаешь, отецъ?»

Отецъ повѣдалъ старцу все, отъ аза до ижицы. Вы уже знаете, что иновѣрческій пастырь нашъ любилъ правду; онъ не утаилъ ничего, во всемъ признался, что на исповѣди, держалъ отвѣтъ, какъ передъ Богомъ.

«Не топись», сказалъ ему старикъ; «смерть отъ тебя не уйдетъ, ниже ты отъ нея; и я такой же, какъ и ты: бобыль; станемъ горе мыкать пополамъ; у меня, за пазухой, ржаная лепешка есть; уломимъ ее на полы, что тебѣ, то и мнѣ, поровну, да и пойдемъ, куда Господь поведетъ: утро вечера мудренѣе!»

Шли, шли они вмѣстѣ, не день и не два — старикъ, что заря, что сумерки, изъ–за пазухи лепешку тащитъ и дѣлитъ пополамъ.

Наконецъ — не житницы жъ египетскія у старика за пазухой — ложатся они въ чистомъ полѣ спать, а старикъ и досталъ было лепешку, да и положилъ опять назадъ. «Послѣдняя», говоритъ, «только одна и осталась; ужъ лучше мы ее на утро оставимъ да и подѣлимся.» Утро красное взошло — старикъ проснулся, Богу помолился. «Ну», говоритъ, «односумъ, давай, подѣлимъ теперь послѣднюю лепешку нашу; а тамъ — что Богъ дастъ». Хвать — анъ ее ужъ и нѣтъ.

«Товарищъ», сказалъ старикъ, «ты съѣлъ лепешку?»

Нашъ пастырь крестится и божится, на чемъ свѣтъ стоитъ, не я. «Ну, ладно», говоритъ старикъ, «не ты, такъ не ты, пойдемъ дальше. Право, слово великое — я ему вѣрю и безъ божбы». Шли, шли они опять, съ утра до поздней ночи; отецъ духовный голодомъ изнылъ. «Нѣтъ силъ» говоритъ, «издохну здѣсь, на мѣстѣ!»

Старикъ полѣзъ за пазуху — нашелъ еще лепешку! а попутчикъ его рукой за нею тянется да ужъ и слова не вымолвитъ,

уморился на смерть! «Ты, что ли съѣлъ лепешку, такъ сказывай лучше; я не взыщу: не бось, только признайся!»

— Чтобъ мнѣ на мѣстѣ, тутъ же, растянуться — отвѣчалъ тотъ — коли я безъ вѣдома твоего хоть одну кроху насущную подобралъ!

«Ну, не ты такъ не ты; я только спросилъ. Вотъ тебѣ половина лепешки моей».

И шли они опять, подновивъ силы свои, поколѣ не дошли до рѣки. Старикъ, подобравъ ризы свои до колѣнъ, пошелъ въ бродъ; духовный пастырь за нимъ, да вдругъ и началъ тонуть. Захлебываясь и задыхаясь, боролся онъ съ мокрою смертію и молилъ старика о помощи. «Ты, что ли, съѣлъ лепешку?» спросилъ опять старикъ; и снова спутникъ его сталъ заклинаться всѣми святыми и отрекаться отъ лепешки, и еще похвалился, что всегда говорилъ правду. «Не ты, такъ не ты», сказалъ старикъ, «на что божишься?» Самъ подалъ ему руку, вытащилъ его и вывелъ, вслѣдъ за собою, на сухой берегъ.

Къ ночи залегли они въ солому, къ мужику на токъ, среди чистаго поля, да развели огонекъ и стали сушиться. Не успѣли они заснуть, какъ пламень обнялъ ихъ со всѣхъ сторонъ: кругомъ ихъ стлался клубомъ огонь и дымъ и смрадъ и жупелъ и съ трескомъ приближаясь, смыкалъ пламенною ужицею своею роковой кругъ тѣснѣе и тѣснѣе. Старикъ толкнулъ и разбудилъ товарища; онъ вскочилъ и, заломавъ пальцы, прощался съ жизнію: лютое пламя пожирало уже ризы его. «Не ты ли, отецъ, съѣлъ намедни лепешку нашу?» — Не я, — отвѣчалъ тотъ; отходя отъ міра сего въ царство вѣчности, — завѣщаю тебѣ, благодѣтелю моему, слово правды: не я. — «Коли такъ», сказалъ старикъ, «Господь съ тобою», накрылъ его полою ризы своей и вывелъ изъ огня невредима.

И шли они, доколѣ не пришли въ заморское царство, гдѣ объѣзжали глашатаи царскіе по городамъ, пригородамъ, селамъ, выселкамъ, слободамъ и разглашали:

«Извѣстно и вѣдомо да будетъ всякому и каждому, что буде кто на свѣтѣ живой человѣкъ найдется свѣдущъ и могучъ въ тайнѣ бытія и смерти, и изыскавъ ключъ жизни живой, ключъ мертвой и живой воды, воззоветъ изъ мертвыхъ двухъ царевенъ царскихъ, вдохнувъ въ бренные останки ихъ жизнь и дыханіе, тотъ наградится, за каждую, такимъ количествомъ злата чеканнаго, каковое силою мышцъ своихъ поднять и вынести изъ казнохранилища царскаго возможетъ; буде же кто ложными снадобьями и не животворящими обманами единую токмо безуспѣшную проволочку времени учинитъ, то таковый неминуемо имѣетъ сложить съ плечъ главу свою, на плаху. Данъ, во градѣ нашемъ престольномъ такомъ–то — и прочая».

«Пойдемъ», сказалъ старикъ товарищу своему, «попытаемся!» Товарищъ золоту и радъ бы, да смерти боится; самъ идетъ, самъ хоронится за старика. Этотъ взялъ одну обмершую, не то покойницу, не знаешь какъ и честить — положилъ ее въ

чанъ, обварилъ кипяткомъ, рознялъ на части, очистилъ косточки, продулъ ихъ, налилъ снова мозжечкомъ, составилъ, одѣлъ живымъ, кровянымъ тѣломъ, жилками, да прожилками, одѣлъ и тонкой бѣлой пеленою съ алымъ отливомъ, кожицею; — дунулъ, и дѣвица, пригожѣе зари утренней, встала и пошла, только застыдилась да зарумянилась. Старику отсыпали мѣшокъ червонцевъ: столько золота, сколько онъ на себѣ унесъ.

«Что же», сказалъ онъ товарищу своему; «берись ты теперь за другую царевну; что я взялъ, то пополамъ; а возьмешь одинъ, такъ все твое; вѣдь видѣлъ чай какъ дѣло дѣлается!»

Тотъ подумалъ — и рукой махнулъ. Золото ослѣпило его, оглушило, смутило, отуманило. Онъ взялъ другую обмершую царевну, распласталъ ее на части, рознялъ по суставчикамъ, и облупилъ и выскребъ косточки, продулъ и налилъ и сложилъ — а духъ и жизнь — Богъ дастъ; надсѣлся товарищъ; все дулъ да подувалъ — нѣтъ! не беретъ; не оживаетъ царевна!...

И пришла отцу бѣда неминучая: ужъ его и взяли, и засадили, и присудили, ужъ и вывели на лобное мѣсто, ужъ и за плахой пошли, а кто сказываетъ, что ужъ и петлю на шею закинули...

«Ты, что ли» шепнулъ ему старикъ, «съѣлъ лепешку–то? такъ скажи; ты знаешь, что я тебя не обманывалъ; признайся, коли ты, никто за это пальцемъ тебя не тронетъ!» Не я — отвѣчалъ тотъ — умираю за грѣхи свои, а въ этомъ не грѣшенъ, я бы тебѣ покаялся.

И старикъ опять спасаетъ товарища своего отъ бѣды неминучей, отъ позорной смерти. Царевна повелѣньемъ старика, ожила, встала и пошла, будто ни въ чемъ не бывала, и странникамъ нашимъ опять отмѣрили мѣшокъ чеканнаго монетнаго золота. Забравъ казну свою, вышли они оба вмѣстѣ изъ города того и снова пустились въ путь.

«Ну», сказалъ старикъ, «теперь намъ съ тобой пришлось разставаться: мнѣ путь предстоитъ одинокій, а ты больше плакаться на меня не будешь, домой

пойдешь не безъ копейки; пора тебѣ припомнить и своихъ. Давай дѣлить казну». Отъ этого попутчикъ нашъ не прочь: — давай.

Старикъ началъ раскладывать золото на три кучки. — Да для чего же на три, а не на двѣ? — кричитъ запальчивый товарищъ его, — насъ только двое, а ты же самъ сказывалъ: все пополамъ! — «Постой», отвѣчаетъ этотъ, «дай срокъ, дай мнѣ управиться, твое не пропадетъ. Ну, гляди, вотъ эта кучка — моя; вотъ эта твоя; а эта пусть достанется тому, кто съѣлъ лепешку!»

— Я! — вскрикнулъ спутникъ его, громкимъ и твердымъ голосомъ, и накрылъ золото обѣими руками...

«Итакъ, вы видѣли, сударь, нужду; спознались на загадочкахъ, со счастьемъ; — а вотъ вамъ и мірская правда. Такова–то она живетъ въ людяхъ, такова и въ поговоркахъ ихъ, такова жила она и споконъ вѣку».

Вотъ вамъ та самая правда, безъ которой никто на свѣтѣ вѣку не доживетъ, про

которую придумали люди столько поговорокъ, о которой говорятъ, что она и на золотѣ всплыветъ... да оно такъ и есть: и въ нашей сказкѣ всплыла она на золото, а безъ него какъ–то не подавалась! Падокъ человѣкъ на ложь, а на золото и того пуще; оно сильнѣе лжи, сильнѣе правды.

В. ДАЛЬ